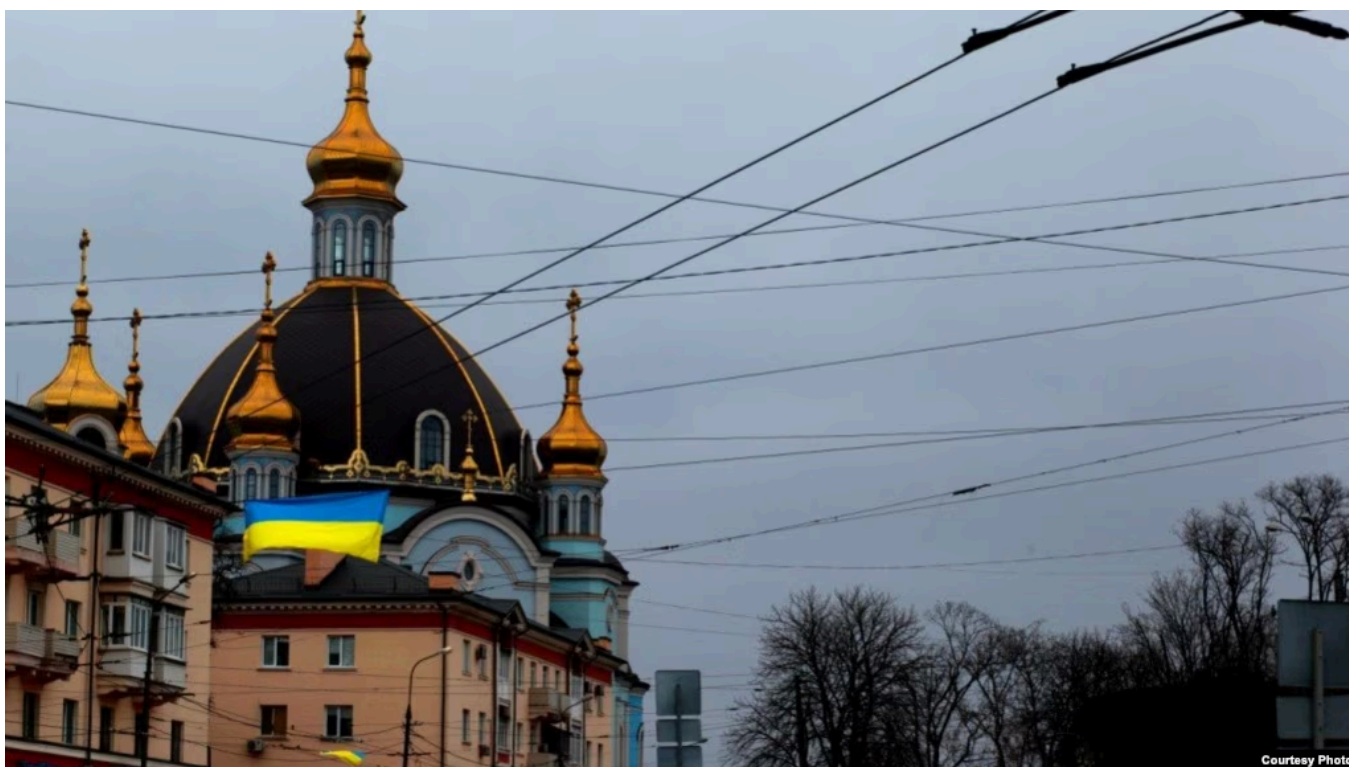

АРХИВ. КAVKAZ

"Трупы на улицах, а тут появляется громкоговоритель". Мариуполь и война

Александра Вагнер

12 апреля 2022

Мариуполь в первые дни вторжения России в Украину. Фотография Андрея Марусова

11 апреля появились противоречивые сообщения о судьбе украинских сил, которые продолжают контролировать часть территории Мариуполя. В фейсбуке военные написали, что у них заканчивается боекомплект, правда, в отличие от предыдущих постов, этот был написан на русском, а не на украинском языке, как ранее. На публикацию отреагировал главнокомандующий Вооруженными силами Украины Валерий Залужный. Он заверил, что оборона города продолжается и что "мы делаем возможное и невозможное для победы, а также для сохранения жизни личного состава и мирных жителей".

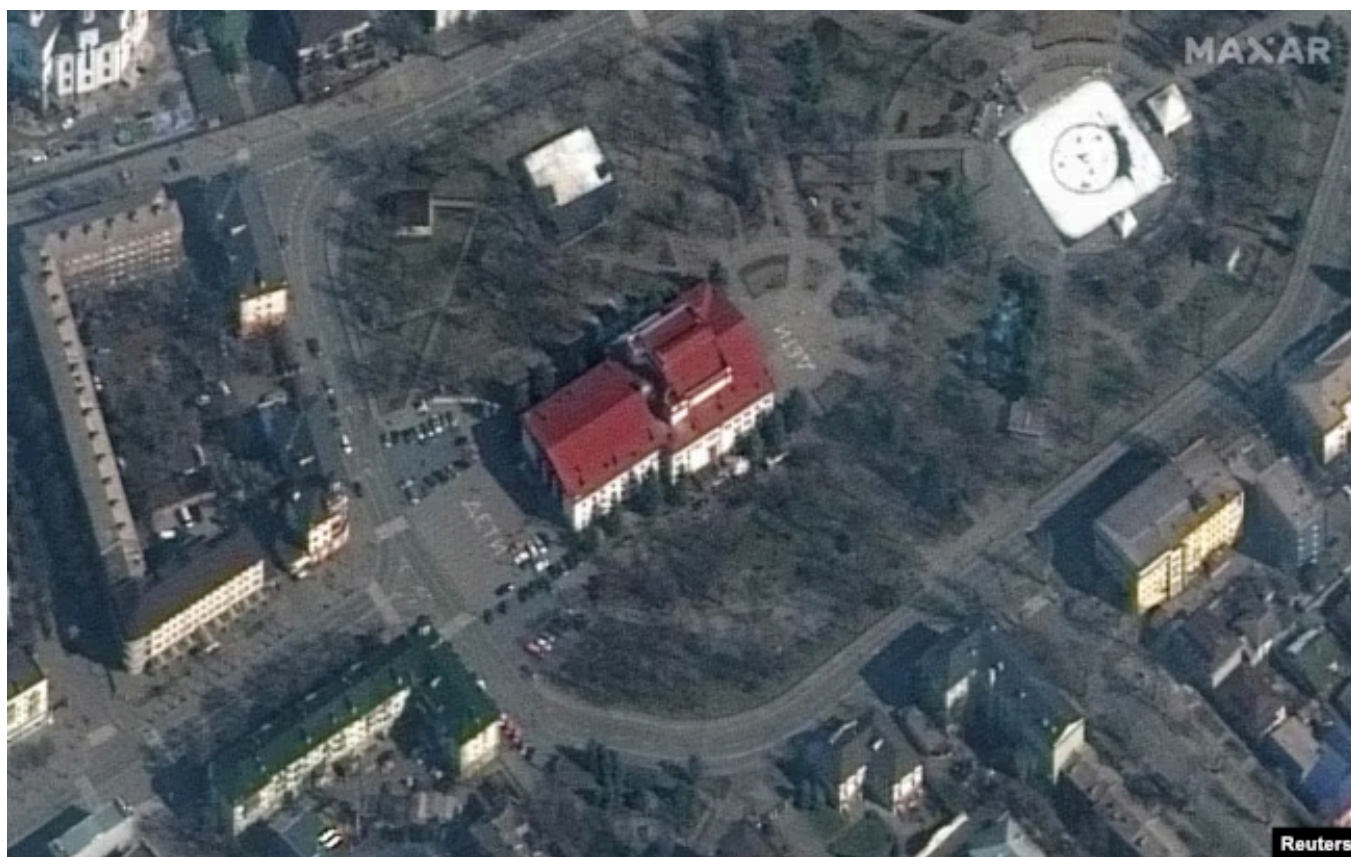
Андрей Марусов, в прошлом – глава правления Transparency International в Украине, жил в Мариуполе, когда началась война. Незадолго до этого он вернулся

в родной город из Киева, потому что, по его словам, появилась надежда на развитие Мариуполя в будущем. Когда часть города захватили российские военные, Марусова задержали и угрожали, по его словам, убийством, поэтому он решил пешком покинуть город и не ждать, пока Украине удастся эвакуировать тех, кто отказывался ехать в Россию. В середине марта он решил добраться до Запорожья: старался идти не по трассе, один раз спал под открытым небом и только после того, как его путешествие благополучно закончилось, понял, какому риску подверг себя: по дороге встречались мины, на блокпостах его обыскивали войска Кадырова. В интервью Радио Свобода **Андрей Марусов** рассказывает о том, каким был Мариуполь до прихода туда российских военных, как началась война и что произошло потом, а также каким он видит будущее города, разрушенного бомбардировками.

– Последние несколько дней говорят о том, что украинские войска находятся на территории двух мариупольских заводов. После того как часть города была захвачена российскими силами, они продолжают обороняться и удерживать те кварталы, которые находились под их контролем и раньше. Но был ли шанс у украинских сил защитить город, когда война начиналась?

– С военной точки зрения мне действительно говорить сложно. То, что там были украинские войска, всем было понятно и очевидно. Понятное дело, что самый укрепленный район – это был район восточный, где постоянно, последние восемь лет, с большей или меньшей интенсивностью происходили перестрелки и столкновения. Также было понятно, что какие-то боеприпасы, склады где-то есть. На территории города находилась военная часть Национальной гвардии Украины, не "Азов", а просто Национальная гвардия. Где находилась эта часть, все знали: на проспекте Нахимова. Защищают Мариуполь сейчас морпехи, Национальная гвардия и полк специального назначения Национальной гвардии "Азов". Все остальные военные части были либо на "передке", то есть на тогдашней линии соприкосновения, либо в поселках, которые расположены рядом с Мариуполем. Сейчас сложно судить о том, в каком состоянии находится эта линия обороны, что сейчас происходит. Но, судя по тем фотографиям и видео, которые уже более-менее массово делают в Мариуполе, с моей точки зрения, если российские войска захватили и контролируют половину города, то это их счастье. Потому что речь-то идет не только об этих двух заводах, украинские войска контролируют также и другие части городской территории. Опять же Россия распространяет слухи, фейки о том, что там будто бы "Азов" прятался в драмтеатре, что они прятались в других учебных или публичных заведениях... Драмтеатр – это полный бред. Я там был несколько раз. Все, кто там был, – это женщины с детьми. Пока еще было можно, волонтеры и мэрия привозили им воду, хлеб, какие-то продукты. Они там жили. Кроме того, с самого начала говорилось о том, что это возможный эвакуационный пункт, люди шли туда с

верой в то, что – ну а кто будет трогать Драматический театр, кто его бомбить будет?!

Драматический театр в Мариуполе: с воздуха видна надпись "Дети"

– Как вы узнали о том, что началась война, что в Украину были введены российские войска? Что в это время происходило в Мариуполе?

– Наверное, как и все, или, по крайней мере, большинство людей в Украине узнали обо всём из новостей. С другой стороны, поскольку Мариуполь восемь лет фактически находился на линии фронта, то в первый же день начались боевые действия на восточной окраине города. Это было слышно по всему Мариуполю. Накануне, наверное, как и большинство украинцев, мало кто среди мариупольцев верил в то, что начнется война. В город приезжали Ринат Ахметов и Вадим Новинский – украинские миллиардеры, владельцы металлургических предприятий (в том числе завода "Азовсталь" в Мариуполе. – РС). Они объявили об инвестициях. Были новые сделки, которые заключала мэрия по коммунальному транспорту. Ничто не предвещало, что будет российское вторжение и начнется война. 24 февраля мы вместе с коллегами из мэрии собирались публично анонсировать проведение международного фестиваля "Мариуполь фотофест". Это должен был быть первый подобный фестиваль в Мариуполе за несколько десятилетий.

– Что произошло, когда в городе начались боевые действия?

– Сам город большой, он разделен рекой Кальмиус на две части. Восточная часть, левый берег, стоит на большом расстоянии от правого берега, где находится исторический центр. Большинство мариупольцев ожидали, что будет обострение на восточных окраинах – я имею в виду обострение по сравнению с тем, что происходило в течение последних восьми лет. Но никто не ожидал, что западная часть, да и весь город впоследствии попадет под удар российской армии. И, наверное, никто не думал о том, что это превратится в бойню, что будут постоянные обстрелы, постоянные авианалеты.

Мариуполь 9 марта этого года. Это одна из немногих фотографий, которые остались у Андрея Марусова после обыска на блокпосте

– Что вы видели в эти дни, пока вы еще находились в Мариуполе?

– Я жил в западной части, это 17-й микрорайон, Portcity (торговый центр в Мариуполе. – Прим. РС). Российские войска подошли с запада, со стороны Бердянска, вплотную, в конце февраля. 1–2 марта город был полностью окружен, началась блокада. В десятых числах марта начался постоянный артиллерийский обстрел западной части, то есть района, где я жил. Практически сразу начались авианалеты: в день несколько раз, десятков, может, даже больше. Ракетами либо бомбами наносили удары по моей части города. Штурм исторического центра, то есть когда нанесли удар по Драмтеатру, начался 16 марта, когда я решил пешком из города убежать. Они начали бомбить и обстреливать эту часть города в шесть утра. Через полчаса я поднялся на шестой этаж в своем подъезде и не увидел

центра, хотя обычно он виден. До этого были постоянные обстрелы, без разницы куда, без каких-то военных целей. И вообще, какие там могут быть цели – это не левый берег, где находится завод. Западная часть – это сплошь и рядом жилые массивы: либо 5–9-этажные дома, либо частный сектор. Улица, на которой стоит мой дом, – улица Матросова – уже фактически не существует, потому что, когда я уезжал, там было как минимум пять воронок от авиабомб. Когда российские войска захватили наш район, то они не ездили по улице Матросова, они ездили через наш двор, потому что даже танки не могут преодолеть воронку глубиной в два метра. 12 марта для меня и, наверное, для многих в нашем микрорайоне наступила катастрофа. В четыре утра 12 марта российская ракета снесла с седьмого по девятый этажи в моем доме. Мы жили на третьем этаже. Буквально через 10–15 минут рядом с домом упали две авиабомбы. Потом девятый этаж в одном из подъездов снесли в соседнем с нами доме. Если до этого люди, и у нас, и по всему городу, готовили себе пищу во дворах, то как только пошел прицельный артиллерийский обстрел и авиабомбежка, все люди начали прятаться, разжигать костры на лестничных площадках, чтобы готовить себе еду или греть воду, если им удавалось где-то эту воду найти.

– Как мариупольцы воспринимали происходящее?

“ Я лично видел на улицах тела мертвых людей

– Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понимать, что с начала марта в городе не было электричества. Это означает, что ни мобильной связи, ни интернета, ничего не было. Мы все оказались отброшены в

средневековье. Единственная информация, которую мы получали, – это то, что передают из уст в уста, еще была пара точек, где можно было поймать сигнал украинских мобильных операторов. Можно было позвонить родственникам или знакомым, и они тебе что-то рассказывали. Так что следить за тем, что думали мариупольцы... наверное, не имело смысла. Если говорить о моем окружении, о людях, с которыми я общался, то до середины марта все лелеяли надежду, что блокаду разорвут и либо со стороны Волновахи, либо еще откуда-то придет украинская армия, которая остановит весь этот ужас, эту катастрофу, и наконец-то пойдут гуманитарные конвои. Я буквально через день ходил к Драмтеатру для того, чтобы просто узнать, что происходит. Но слухи были весьма недостоверны. Под обстрелом я ходил через полгорода к Драмтеатру, чтобы узнать, есть ли эвакуация и как можно выбраться из города. Это было постоянное балансирование между полным отчаянием и какой-то надеждой. Настроения были самые разные: были слухи, что Киев сдали, что Харьков тоже сдали или что сдали Запорожье, что Зеленский сбежал, что Киев уже захвачен. А когда удавалось дозвониться до родственников, то выяснялось, что все это абсолютно недостоверные слухи, и страна, как и Мариуполь, держится. Кроме отчаяния и

надежды были упорство и взаимопомощь. Люди старались друг другу помогать и с водой, и с пищей, и с другими жизненными потребностями. Когда российская ракета снесла три верхних этажа, люди сразу же побежали наверх, и им удалось спасти женщину и ребенка. Они выжили, по крайней мере, в больнице им сделали операцию и в больнице они еще были живы. Что с ними потом произошло, я, к сожалению, я не знаю. Несмотря на то что дом просто шатало, как после десятибалльного землетрясения (а дому-то уже 50 лет, это советская девятиэтажка), люди побежали, рискуя жизнью, вытаскивать пострадавших.

– Люди вынуждены были и хоронить во дворах своих близких...

– Да, конечно. Это началось 6–7 марта. Электричества нет, соответственно, все морги потекли. В центре города на пустыре, недалеко от старого городского кладбища, которое уже давно закрыто, с 1972 года... Поскольку я историк, журналист, мы занимались восстановлением этого кладбища, превращением его в музей под открытым небом. Мне местные сказали о том, что, скорее всего, муниципальные власти вырыли глубокие траншеи рядом с кладбищем, и туда начали сбрасывать тела людей сначала из моргов, а потом, насколько я понимаю, людей, которые просто умирали на улицах. Я лично видел на улицах тела мертвых людей. В самом начале, когда еще работали муниципальные власти и полиция, несмотря на отсутствие бензина, им каким-то образом удавалось убирать мертвых с улиц и хоронить. А потом, когда реальность вокруг превратилась в бойню, в расстрел беззащитных жителей, в постоянные бомбежки и артобстрелы, люди делали это сами... Никакой связи нет, и ты не можешь никому, ни полиции, ни врачам, сообщить о том, что твоего соседа или близких убило. В нашем дворе люди просто выкапывали ямы и хоронили своих близких. В лучшем случае ставили таблички с именами, в худшем просто крестики. Почему в худшем? Потому что с соседями мы это обсуждали и я говорил: "Ребята, никто не знает, какова будет ваша судьба. Не дай бог вы погибнете, тогда никто вообще не узнает о том, кто здесь похоронен под этим безымянным крестом". Потом это приняло общегородские масштабы. Весь город стал превращаться в огромный некрополь.

Захоронение в Мариуполе: фотография сделана Андреем Марусовым 9 марта этого года

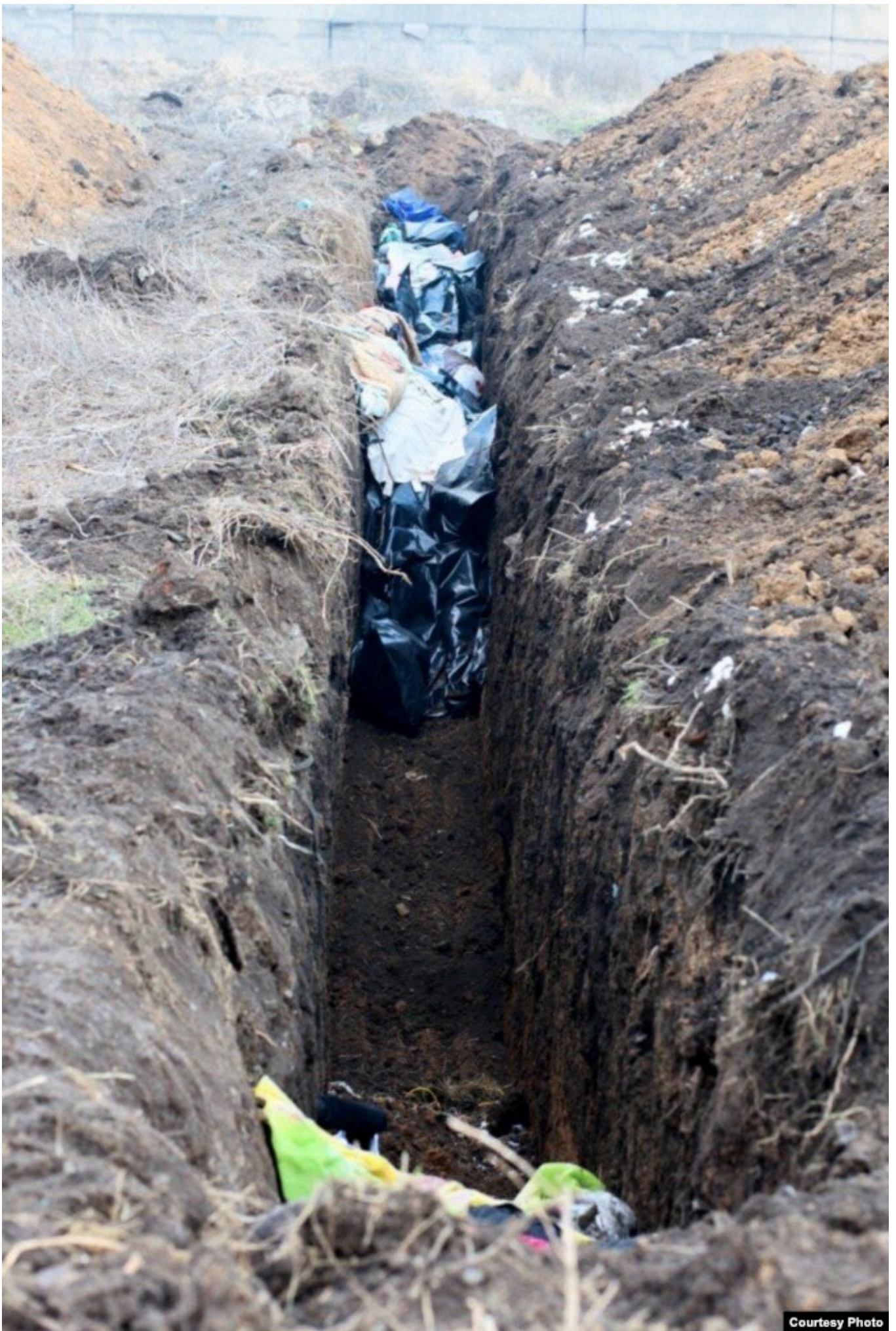
– Российские силы в тот момент находились в городе? Или оставались местные власти и местная полиция?

– Город большой. Если российские войска заняли западную часть, то на левом берегу, например, они были еще только на окраине. С другой стороны, когда они захватили наш район, то бомбежка прекратилась. Зачем им бомбить собственные войска? Они захватили и перенесли огонь на Драмтеатр, на историческую часть города. 14 марта они впервые вошли на западные окраины. Сразу же начали проводить зачистку, по-моему, она продолжается до сих пор. Означало это следующее: по всем девятиэтажкам, по всем домам начали ходить солдаты, выбивать двери, если они были закрыты, проверять поголовно у всех документы и очень настоятельно, добровольно-принудительно всем говорить о том, что "вы все уходите отсюда и переходите в областную больницу. Мы тут будем с нацистами воевать, а вы нам мешаете". Вот этот цинизм начался 14 марта. Когда весь район горит, все разрушено, трупы мирных жителей валяются на улицах, а тут появляется российский громкоговоритель, из которого звучит: "Гражданское население, спускайтесь куда-нибудь в подвалы, потому что мы сейчас начнем зачистку. Ради вашей безопасности, чтобы вы не пострадали, спускайтесь в подвалы". Люди в лучшем случае ругались матом, потому что, да, ребята, сначала вы всех убили, а потом вы приходите и делаете из себя неких освободителей, которые пекутся о жизни и здоровье мариупольцев.

– В эти дни была опубликована информация о том, что людей заставляли выезжать на территорию России. Были ли какие-то гуманитарные коридоры, у мариупольцев была информация?

– Внутри города, ясное дело, этой информации не было. Единственное, где ее можно было получить, – это Драмтеатр. Ты приходишь, и там представители мэрии либо полиции сообщают, будет конвой или нет. Но в том-то и дело, что ни одного украинского гуманитарного конвоя российские войска в город не пропустили. Все эти фейки они сейчас распространяют, то есть просто врут, не было ни одного! Украина смогла добиться, и то с огромными проблемами, гуманитарных автобусов из Бердянска. Бердянск находится в семидесяти километрах от Мариуполя. Это означает, что как минимум все пенсионеры, пожилые люди, если у них нет автомобиля, до Бердянска не доберутся, потому что просто физически не способны это сделать. Что касается депортации, то, когда я выходил 16 марта, в тридцати километрах от города в райцентре Володарское (он же Никольское) стояли автобусы, которые шли на Ростов и Таганрог. На мой вопрос: "А зачем мне Ростов с Таганрогом? Мне нужно в Запорожье" – мне говорили: "Нет, нет, нет, в Запорожье мы никого не возем и не советуем вам туда идти. Вот только Ростов, Таганрог либо "ДНР", Донецк". Сейчас это уже приняло принудительную форму. В городе появилось несколько точек, особенно на восточной окраине, откуда до российской границы 50 километров, и там варианты – Таганрог, Ростов, Донецк. Больше никаких вариантов не предлагается. Эту территорию оккупировала Россия, она туда людей и вывозит. Все это сопровождается фильтрацией: смотрят соцсети, берут отпечатки пальцев, забирают украинские документы и дают 10 тысяч рублей на карточку, вот вам типа помощь, и отправляют в лагеря для беженцев на территории РФ. Очень много сообщений относительно того, что людей потом начинают перенаправлять куда-то в глубь России, фактически бесправных, потому что если у тебя нет документов, то ты целиком и полностью зависишь от российских властей, они будут распоряжаться твоей судьбой. Когда я выходил – все это ограничивалось обыском, но достаточно тщательным. Чеченец был крайне удивлен, увидев у меня лэптоп и всякие съемные жесткие диски. Он половину отобрал, забрал сим-карту от смартфона. И я еще нормально отделался. Молодые парни при такой процедуре реально рискуют тем, что их забреют в армию в так называемую "ДНР", либо, если обнаружат в соцсетях что-то про Украину, в поддержку Украины, то люди рискуют своей жизнью. 14-го числа меня уже практически повели на расстрел поздней ночью, буквально в десяти шагах от моего подъезда, потому что в моем смартфоне нашли фотографии разрушений, которые я делал. Меня сразу же обвинили в том, что я нацист, и повели. Была команда: "В расход. Мы двоих гражданских сегодня уже "вольнули". Поэтому, когда я увидел весь этот ужас из Бучи, людей со связанными руками, расстрелянными в затылок, я не удивился. Это подтвердило то, что 14 марта я родился второй раз. Я не знаю, что у них там

произошло. После совещаний солдата-расстрельщика с командованием меня отвели в подвал, где люди прятались от бомбежек: "Вот мы завтра утром за тобой придем". В 8 часов утра никто не пришел, и я просто вышел из этого подвала и решил, что в ближайшие часы буду выбираться из города любым способом.

Courtesy Photo

Массовое захоронение в Мариуполе, снимок 9 марта этого года

– Я так понимаю, что непросто было попасть на контролируруемую Украиной территорию. Как вам это удалось?

“ Противотанковые мины установлены на обочине, а мимо них ездят машины

– Я выходил пешком. Я надеялся на то, что кто-то меня будет подвозить. Эти надежды оправдались, потому что почти 300 километров человек пять меня подвезли. Кроме того, два раза я ночевал в Розовке и в Пологах. Опять же наши люди, то есть

украинцы, предоставляли ночлег. Конечно, одну ночь пришлось провести при минус 15 среди украинской степи в лесопосадке, чего я никогда в жизни не забуду. Эту ситуацию я тоже предвидел, поэтому у меня были остатки бензина, я разжег костер и отчаянно пытался не уснуть последним сном. А так практически четыре дня я проходил по 10–20 километров пешком с сумкой через плечо. Опасность была при выходе, когда меня обыскивал кадыровец. Обыск продолжался целый час вместе со всеми: "А ну раздевайся до пояса. А нет ли у тебя каких-то татуировок, либо каких-то синяков от автомата?", и так далее и тому подобное. Чем дальше я был от Мариуполя, тем менее тщательными были эти обыски. Кроме того, дальше на всех блокпостах были "дэнээровцы", как правило, молодые парни. По ним было понятно, что их неделю назад на улице где-то поймали, и они вместо того, чтобы идти на пары в университет, получили "калаш" в руки и отправились "защищать свою родину "ДНР". Два парня мне реально помогали: в ситуациях, когда кто-то из других военных на блокпосте к чему-то придирался, они пытались смягчить эту ситуацию. Было очевидно, что они и рады были бы убежать, бросить оружие и вернуться к себе в Донецк или Луганск, но выхода у них не было. Вот такое у меня было путешествие посреди смерти. Ближе к Пологам я понял, что достаточно серьезно рисковал, поскольку город Пологи (это где-то 70 километров от Запорожья) был под контролем россиян – там были мины на обочинах. Противотанковые мины установлены на обочине, а мимо них ездят машины. Потом ребята, которые мне помогали в Пологах, рассказывали: "Противотанковые мины – это еще ничего. Она взорвется, если какой-то вес на нее наедет, а вот противопехотные мины прикопаны и в посадках, и на обочинах. Вот это серьезно". А я как раз весь путь шел либо по обочинам, либо по посадкам, чтобы не попадаться на глаза российским войскам или "дэнээровцам".

– Я так понимаю, ваше бегство из Мариуполя в то время был особый случай? Люди еще не выходили тогда пешком?

– Где-то со второй половины дня 15 марта начали выпускать, поскольку российские войска взяли под контроль трассу Мариуполь – Никольское – Розовка до Орехова. Орехов был и остается под контролем украинских войск. Соответственно, как только они это взяли, видимо, им необходимо было

реабилитироваться и выступить в качестве освободителей. Тогда в райцентр Никольское начали пригонять автобусы и разрешили всем желающим уезжать на автомобилях либо пешком – после обыска на мариупольском блокпосту. 16 марта уже было наводнение: очередь людей, очередь машин, которые выезжали по самым разным направлениям. Я все это предвидел еще в начале марта. Если внимательно послушать то, о чем говорил Путин, я говорю о "денацификации", то понимаешь, что, как только они захватывают территорию, сразу же приступают к фильтрационным мерам в отношении населения, чтобы выявить тех, кого они считают неблагонадежными. А это может быть все, что угодно: фотографии, посты в соцсетях... Что они будут делать с неблагонадежными? Либо – в лагерь, либо – война все спишет, либо просто расстрел. Фраза, которая прозвучала от одного из российских военных, когда решалась моя судьба: "Война все спишет, мы уже двух гражданских "вольнули". Их куда-то завели в темное место и расстреляли. Мне было очевидно, что перспектива такая. Так потом и стало происходить.

– Какой жизнью жил Мариуполь до начала этих событий? Был ли это обычный мирный город? Какие были настроения – поддерживал ли этот город Украину, или люди хотели стать частью России?

– До войны город динамично развивался. В 2013 году я и не думал возвращаться и что-то делать в родном городе. Я жил и работал в Киеве, был журналистом-расследователем, возглавлял Transparency International Ukraine и понимал, что возвращаться в Мариуполь не имеет смысла, потому что вся мэрия погрязла в коррупции, нет никаких перспектив, планов. Ничего не было. Сидел тогдашний мэр, городской совет. Что они делали? Они просто крали в свои карманы и ничем больше не занимались. Потом произошла смена власти, а вслед за этим одна из самых важных реформ в Украине, о которой мало кто говорит, – так называемая децентрализация. Мэрии, местным органам, местному самоуправлению, во-первых, дали массу полномочий, во-вторых, им дали массу денег для реализации этих полномочий. И бюджет не только Мариуполя, но и бюджеты всех городов, почти пятисот территориальных общин в Украине, начали расти. Киев уже не забирал львиную долю заработанного. Появилась более-менее профессиональная прозрачная и эффективная городская власть, появились ресурсы, полномочия... В 2022 году была принята стратегия развития города до 2030 года. В этом году собирался приходить "Макдональдс", несмотря на то что линия фронта находилась в тридцати километрах отсюда. Начали делать усилия, чтобы избавиться от монопрофиля города, то есть чтобы металлургия не доминировала, а чтобы развивался малый и средний бизнес, какие-то другие отрасли экономики. В культурной сфере мы вместе с мэрией практически запустили "Мариуполь фотофест". Средства из городской казны планировали потратить на то, чтобы пригласить украинских и зарубежных фотографов, сделать большую выставку. На этот год запланировали целый ряд других культурных событий – "Гоголь-фест",

музыкальный фестиваль в августе. С моей точки зрения, были все шансы, что Мариуполь станет к уже упомянутому 2030 году городом с сильно диверсифицированной экономикой, можно будет решить экологические проблемы, потому что до начала войны "Азовсталь" и Комбинат имени Ильича постоянно загрязняли воздух. И это был дамоклов меч над будущим.

Валентина Демура рядом с домом, где она жила до начала войны. Мариуполь, 27 марта

Что же касается политики, то, согласно последней переписи, Мариуполь – это русскоязычный город. Более того, почти половина населения – этнические русские, у которых была и есть масса родственников в России и на оккупированных территориях Донецкой области. Тем не менее, если в 2014 году была значительная часть мариупольцев, обращавших свои взоры к России, на все эти проекты ЕврАзЭС и тому подобное, то сейчас подавляющее большинство ориентировалось на Украину, на Европу, на интеграцию с европейскими структурами, особенно молодежь. Просто такой была ситуация. Поэтому для всех было шоком, что начало происходит в конце февраля. Даже те остатки русофилов и путинофилов после бойни, которую устроил Путин, которую устроила Россия, растеряли какие-либо сомнения в том, что происходит и куда Мариуполь и Украина должны двигаться.

– Может быть, именно то, что русскоязычный город стал процветать, у него появилось будущее, и стало причиной того, что началась война?

“А что Мариуполь?” Я говорю: “Ребята, города нет”

– Да, но одновременно, конечно, причин несколько. С одной стороны, Мариуполь стал витриной украинского Донбасса. О нем иногда даже так говорили официальные лица. Сильная экономика, сильная

культура, сильное образование. Благодаря нескольким вузам, университету малопомалу Мариуполь превращался в студенческий город. Возник контраст с Донецком, ведь именно он был областным центром и по своему потенциалу в 2013–14 годах превосходил Мариуполь. Раньше люди уезжали из Мариуполя в Донецк учиться или работать, а в последнее время региональным магнитом стал Мариуполь. Мои знакомые рассказывали о том, что люди из “ДНР” приезжали в Мариуполь, устраивались на работу, снимали квартиры и планировали связать свое будущее именно с Мариуполем, а не с “ДНР” или Россией. Это произошло благодаря тому, что власть, мэрия смогли стать более-менее прозрачными, поэтому начались инвестиции Европейского банка реконструкции и развития. Какие-то большие финансовые институции, в том числе европейские, начали давать деньги на приобретение троллейбусов, на ремонт дорог, школ. Вот что происходило. Но оказалось, что были еще и геополитические соображения, все эти сухопутные коридоры, создание “Новороссии”, о которой Путин и компания мечтают уже не знаю сколько лет... Это тоже стало причиной, почему в Москве было принято решение фактически уничтожить город. Сейчас выясняется, что после того, как в Бердянске украинские войска потопили десантный корабль, стало понятно, что Мариуполь может быть важен для оккупантов как военно-морская база. Но, с другой стороны, уже в эти минуты понятно, что они собираются окончательно разрушить “Азовсталь”, Комбинат имени Ильича... То есть в случае, если Мариуполь останется под контролем российских оккупационных войск, то его будущее – это некая военно-морская база, максимум 50 тысяч населения. А до начала войны было 450–460 тысяч. Вот и все. И никакой экономики. Зачем кому-то в России восстанавливать металлургию в Мариуполе, если у них там своих “магниток” хватает. В условиях нынешней изоляции России, кому будет нужен торговый порт? До этого были надежды на то, что он будет хорошо развиваться даже в условиях керченского моста и всех попыток России прекратить экспортные потоки. Тем не менее торговый порт переориентировался с донбасского угля на пшеницу. Была надежда на то, что и порт тоже будет развиваться. А сейчас это выжженная пустыня.

– То есть разрушения в городе таковы, что жителям, которые оттуда убежали, уже нет смысла возвращаться? Или они даже не рассматривают такую возможность?

– В том-то и дело... Но на самом деле все ждут окончания военных действий, чтобы наступил мир. Наверное, подавляющее большинство мариупольцев, которые убежали, будут думать, возвращаться или нет, только если Мариуполь

останется украинским. Для меня это такой же выбор: если город остается украинским – да, я попытаюсь там сделать все, что смогу, чтобы город восстановить. А если нет, то я более чем уверен, что как минимум активная часть, то есть молодые, трудолюбивые, образованные люди не будут туда возвращаться. А без них это будет то, во что сейчас превращается "ДНР": регион стареющего населения, пенсионеров. Все активные куда-то уезжают, неважно куда – в Россию, в Украину, на Запад. У так называемого российского или, точнее, "дэнээровского" Мариуполя нет будущего. Кроме того, там действительно необходимы миллиарды долларов на восстановление. Многие люди даже среди моих знакомых уехали буквально в чем были: в лучшем случае, документы не сгорели – и они их взяли с собой. А так – дом разрушен или полностью сгорел, повреждены все коммуникации, газ, тепло, вода. Когда они будут восстановлены? Хорошо, сейчас лето начинается, но будут ли восстановлены к сентябрю все эти теплосети и теплостанции, которые опять же нещадно бомбили и разрушали? Тут очень большой вопрос и такой: будут ли люди возвращаться в случае реального освобождения от российских оккупационных войск? Ведь это инфраструктура, жилье... Просто города нет. Хорошая фраза, которую сейчас произносят мариупольцы, когда их спрашивают, и меня спрашивают: "А что Мариуполь?" Я говорю: "Ребята, города нет".

- 12 апреля - 48-й **день войны**. Рамзан Кадыров предложил использовать в Украине тактическое ядерное оружие. Канцлер Австрии Карл Нехаммер встретился с Владимиром Путиным и не проявил по итогам, по его словам, "открытых и жестких" переговоров никаких признаков оптимизма по поводу позиции Кремля в отношении прекращения войны в Украине. На спутниковых снимках видна большая колонна российской военной техники, движущаяся в сторону города Изюм под Харьковом.
- Число погибших российских военных из Дагестана **достигло** уже 100 человек. Всего Кавказ. Реалии известны имена 312 военных из числа уроженцев Юга и Северного Кавказа, гибель которых была официально подтверждена.
- Минобороны России публиковало информацию о потерях дважды: 2 марта сообщалось о гибели 498 человек, 25 марта – 1351 человека. Для сравнения: за четыре года войны в Сирии официально погибли 116 российских военнослужащих. Число погибших федеральных военнослужащих за два первой войны в Чечне разные источники оценивают в диапазоне от 4103 до 5042 человек.
- С начала войны в Украине погибли 177 детей, более 336 получили ранения. Эти сведения обнародовала Генпрокуратура Украины. ООН повысила оценку внутренне перемещенных лиц в Украине до 7,1 миллиона человек. Ранее организация оценивала их число от 6,5 до 6,7 миллиона человек.

Кавказ.Реалии в Телеграме

Читать

Приложение Кавказ.Реалии для вашего смартфона

Установить

Александра Вагнер

Материалы по теме

"Максимум кадыровцев – запугивать мирных жителей". Интервью с офицером полка "Азов"

"Мариуполь напоминает Грозный 99-го". Роль кадыровцев в Украине

"Даже грязные трусы украли". Жительница Украины – о трех неделях в заложниках у кадыровцев